

Башня Сокровенного Неба расположилась у самого подножия горы Семи помостов. Место было живописным: крутые склоны, поросшие вековым лесом, и чистые, стремительные воды — лучшего прибежища для ордена и не пожелаешь. В юности Ло Цзенин, выросший в этих стенах, так и не сумел исходить эти края вдоль и поперёк. А всё из-за упрямства старшего дяди. Тот отличался редкой суровостью, следил за племянником день и ночь, и стоило Ло Цзенину тайком ускользнуть за ворота, как его среди ночи ловили и отправляли в пещеру созерцать стену в наказание.

Вернувшись сюда спустя добрых полвека, Ло Цзенин невольно предался раздумьям.

«Дядя в той безумной бойне наверняка не уцелел, — тоскливо подумал он. — Интересно, кто унаследовал место главы? Надо же, даже сорняки у входа выпололи. Оставили только голый булыжник с высеченным названием: „Башня Сокровенного Неба“. И выглядит жутковато, и уродство редкое».

Ло Цзенин зашагал внутрь вместе с остальными молодыми господами. Те по дороге оживлённо обсуждали, насколько суровым окажется сегодняшний экзаменатор.

— Как так? — удивился Ло Цзенин. — Разве глава школы не сам принимает испытание?

Он отлично помнил, как в прежние времена дядя лично отлавливал нерадивых учеников. Из-за вечно хмурой, каменной физиономии воспитанники за глаза звали его Старым сухарём, и Ло Цзенин, само собой, приложил руку к этому прозвищу.

Один из юношей усмехнулся:

— Господин Ло, вы совсем не в курсе дел. У главы столько забот, станет ли он тратить время на зелёных новичков? В лучшем случае взглянет на нас мельком, когда уже зачислят в школу.

Ло Цзенин приобнял его за плечо и с улыбкой спросил:

— И откуда же такие подробности?

— Известное дело, земляк один проболтался, который в прошлом году сумел поступить в Башню. Правда, не прошло и месяца, как он взвыл от скуки.

«Ещё бы не скука!» — мысленно согласился Ло Цзенин.

Башня Сокровенного Неба высилась в уединении, скрытая от мира реками и кручами. Если уж переступил её порог, назад дороги не будет — разве что вышвырнут с позором. Жизнь в ордене мало чем отличалась от тюремного заключения: свод дурацких правил и бесконечные запреты свели бы с ума любого живого человека.

Сам Ло Цзенин в юности обладал выдающимся талантом. Одарённый от природы, он уже в ранние годы превосходил сверстников в боевых искусствах, вызывая у них жгучую зависть. Особенно их злило то, с какой лёгкостью он нарушал запреты: пробирался по ночам за стену, увлекая за собой товарищей, чтобы вдоволь напиться дешёвого вина в ближайшем трактире. Сейчас он списывал это на юношеское безрассудство. Даже когда дядя запер его на несколько месяцев в тёмной келье, Ло Цзенин выходил оттуда прежним несносным смутьяном.

Ученик-проводник повёл толпу соискателей вглубь территории. Ло Цзенину не терпелось увидеть, что за грозный муж этот экзаменатор, раз одно его имя заставляет юношей дрожать от страха.

Миновав несколько переходов, они вышли на тренировочную площадку в центральном дворе. Ло Цзенин поднял глаза на вывеску с позолоченными иероглифами, и у него по спине пробежал холодок. Он слишком хорошо помнил, как в детстве за очередную шалость дядя подвесил его прямо к этой раме и оставил болтаться на полдня. Тренировавшиеся внизу ученики изо всех сил старались сдерживать смех, у них плечи подёргивались от беззвучного хохота. Ло Цзенин, разумеется, терпеть такую обиду не собирался. Даже вися под потолком, он сыпал отборными ругательствами. Не успел он высказать всё, что думает, как во двор выскочил рассвирепевший дядя. Обнажив клинок, он рывкнул: «Ещё хоть слово, сопляк, и я проткну твой поганый рот!»

В ту пору Ло Цзенину не исполнилось и десяти. Напуганный грозным окриком, он тогда подумал:

«Если он и впрямь ткнёт мечом, то продырявит вывеску школы. То-то будет слава на всю Поднебесную: первый в истории глава, который расколол священную табличку предков ради того, чтобы заткнуть собственного племянника».

Разумеется, вслух он этого тогда не произнёс.

Двор постепенно заполнялся молодыми людьми. Кое-кто, стараясь скрасить ожидание, вынимал клинки и хвастался мастерством, совершая замысловатые выпады. Ло Цзенин, вернувшийся к жизни лишь вчера, не имел при себе даже захудалого оружия. Глядя на чужие взмахи, он почувствовал, как чешутся руки.

Вдруг у подножия парадной лестницы, прямо под памятной вывеской, появились несколько человек в чёрных одеяниях с тёмно-пурпурным облачным узором. Возглавлявший их мужчина держался величественно и спокойно. Заложив руки за спину, он медленно обвёл собравшихся бесстрастным, проницательным взглядом.

Ло Цзенин замер, глядя на фигуру в центре.

Чёрные халаты с пурпурным шитьём — парадное облачение Башни Сокровенного Неба, полная противоположность белоснежным одеждам школы Павильона Без пыли. Носить такой наряд имели право лишь глава ордена и его ближайшие доверенные ученики. Всем остальным

полагались простые серые одежды для тренировок. Надеть чёрное без личного дозволения мастера считалось тягчайшим нарушением субординации.

Но Ло Цзенина поразило другое. Он узнал этого человека.

«Это же...»

В памяти Ло Цзенина мгновенно вспыхнула картина из прошлой жизни.

Великая битва двух великих школ. Силы оставили его, он едва держался на ногах, готовый принять неизбежное. Прямо в грудь ему летел свистящий веер вражеских стрел. Зажмурившись в ожидании смерти, Ло Цзенин распахнул глаза от того, что чьи-то сильные руки рванули его на себя.

Его заслонил Чжун Чжили.

Он принял смертоносные стрелы на себя, и горячая кровь мгновенно пропитала его грудь, заливая чёрный шёлк.

Предсмертные слова, которые Чжун Чжили прошептал ему на ухо, Ло Цзенин не забыл бы и через тысячу лет:

«Ты мне нравишься».

У Ло Цзенина перехватило дыхание, он был в изумлении. Человек, стоящий сейчас перед ними на ступенях, был не кем иным, как Чжун Чжили!

Чжун Чжили, носивший также имя Чжун Сяо, в прошлой жизни считался лучшим преемником главы Башни Сокровенного Неба. Природа одарила его безупречным лицом, перед чьей красотой не могли устоять ни женщины, ни мужчины. И хотя держался он со всеми подчеркнуто вежливо, никто толком не видел его искренней улыбки — в лучшем случае он едва заметно улыбался. Это странное хладнокровие совершенно не вязалось с его вторым именем «Сяо», что означало «Улыбка».

При первой встрече Ло Цзенин не упустил случая подразнить его.

— Имя тебе подобрали отменное, — посмеивался он тогда. — Словно нарочно уверяют, будто ты умеешь радоваться. Только я ни разу не видел тебя весёлым. Сменил бы имя на Чжун Ку — «Плачущий», а?

«Неужели тот самый безжалостный экзаменатор, о котором все шепчутся, — это он?»

Если так, то сами небеса благоволили ему! Раз судьба вновь свела его с Чжун Чжили в этой новой жизни, значит, их связь действительно нерушима.

Ло Цзенин едва сдерживал ликование. Пусть он ещё не придумал, как вести себя с тем давним другом, который перед смертью признался ему в любви, радость долгожданной встречи вытеснила из головы все лишние сомнения. Он замер в предвкушении, даже не заметив, как Чжун Чжили спустился по ступеням и подошёл вплотную.

Ло Цзенин уже открыл было рот, собираясь сказать: «Давно не виделись», но Чжун Чжили прошёл мимо, даже не удостоив его взглядом, словно перед ним было пустое место.

Не успел Ло Цзенин удивиться, как над площадью разнёсся холодный, чистый голос:

— Те десять человек, что быстрее всех выловят из озера напротив двадцать уток, пройдут испытание.

Толпа соискателей ошеломлённо замерла. Ловить уток?

Мало того что для благородных молодых господ подобное занятие казалось верхом неприличия, так ещё и сам метод отбора в престижный орден выглядел откровенно нелепо. Разве так принимают в великие школы?

Пока толпа растерянно перешёптывалась, одна тень стремительно рванулась вперёд. Словно чёрная молния, фигура взмыла в воздух и понеслась прямо к озеру.

Ло Цзенину было плевать на абсурдность задания. Главное — победить, а рассуждать они будут позже!

Заметив, что один из кандидатов захватил инициативу, остальные с криками ломанулись следом. Но на берегу возникла жуткая толкотня, и Ло Цзенин, воспользовавшись заминкой, ушёл далеко вперёд. На бегу подхватив валявшийся у дорожки тренировочный железный меч, он скользнул по водной глади прямо к перепуганной стае.

Здесьние утки, судя по всему, привыкли к людям и поначалу не выказали страха. Лишь когда Ло Цзенин завис над ними, заноса клинок для удара, птицы в панике захлопали крыльями, пытаясь взлететь. Но куда им было тягаться в скорости со сталью мастера! Несколько стремительных взмахов — и озёрная гладь окрасилась багровым.

Добежавшие до воды юноши застыли как вкопанные. Всем было известно, что на священной территории Башни Сокровенного Неба строго-настрого запрещено проливать кровь живых существ. Этот парень спятил? Откуда у него такая дерзость?

Дежурившие на площади старшие ученики, увидев творящуюся бойню, схватились за головы.

— Стой! — завопили они с берега. — Не смей убивать птиц! А ну назад!

Ло Цзенин, вылавливая из воды бездыханные тушки, весело крикнул в ответ:

— Вы велели достать уток, но не уточняли, какими — живыми или мёртвыми!

Кое-кто из наиболее сообразительных соискателей рассудил, что в словах наглеца есть доля истины. Клинки покинули ножны, и ещё несколько человек бросились уничтожать беззащитных птиц.

Старшие ученики в бессильной злобе топтались на берегу.

— Сяо Чжун, что же делать?! — взмолились они, оборачиваясь к Чжун Чжили.

Если об этом побоище узнает глава ордена, им несдобровать — сдерёт три шкуры!

Прежде чем Чжун Чжили успел ответить, из воды выскочил мокрый Ло Цзенин. Он со смехом швырнул к его ногам связку из двадцати окровавленных тушек.

— Ну как? Я первый!

В прошлой жизни Ло Цзенин обожал задирать друга, и сейчас старая привычка мгновенно взяла своё.

Чжун Чжили перевёл взгляд на багровеющее озеро, усыпанное перьями. Его лицо по-прежнему напоминало застывшую маску, не выражая ни единой эмоции. Наконец он произнёс:

— Своё наказание ты получишь лично от главы школы.

— Чего? — опешил Ло Цзенин.

— Не прикидывайся дураком! — вскипел один из учеников. — Ты хоть понимаешь, сколько редкой птицы загубил? Глава лично привёз этих породистых уток из Гаю! Мы их холили и лелеяли несколько лет!

Ло Цзенин лишь приподнял брови в притворном изумлении. В этот момент к берегу причалил второй соискатель, гордо волоча за собой ещё одну охапку мёртвых пернатых. Выглядел он так, словно спешил на утренний базар выгодно распродать товар.

Чжун Чжили, похоже, умыл руки. Он молча наблюдал за тем, как толпа во дворе увлечённо избивает несчастных птиц. На его лице лежала печать ледяного безразличия.

Ло Цзенин умышленно придвинулся ближе и негромко спросил:

— Эй, ты что, обиделся?

Чжун Чжили повернул к нему голову. Он смотрел холодно и пристально.

— Что ты сказал?

— В смысле — «что»? — растерянно повторил Ло Цзенин.

«Неужели Чжун Чжили умом тронулся за эти годы? Или прикидывается?» — пронеслось у него в голове.

Вскоре первая десятка счастливиц выстроилась на берегу с мёртвой добычей в руках. Остальные, сообразив, что опоздали, потянулись следом, волоча за собой окровавленные тушки. На их лицах застыла странная смесь растерянности от содеянного и горького разочарования от провала.

Чжун Чжили опустил ресницы, сокрушённо вздохнув про себя. Он потратил немало сил, тренируя этих птиц, чтобы проверить ловкость и быстроту реакции будущих адептов. Ловля юркой дичи испокон веков считалась отличным упражнением для тренировки тела. Кто же знал, что всё обернётся столь нелепым побоищем?

Ло Цзенин, искоса поглядывая на хмурого друга, осторожно поинтересовался:

— Ты ведь обещал отобрать десять человек. Не передумаешь теперь?

Он знал Чжун Чжили как никто другой. Если этот человек давал слово, он расшибался в лепёшку, но держал его. Он предпочитал промолчать, но никогда не лгал.

И действительно, Чжун Чжили окинул взглядом десятку соискателей, перепачканных утиной кровью, и указал пальцем на Ло Цзенина:

— Ты — за мной. Остальные — ждать здесь.

Ло Цзенин довольно заулыбался и поспешил следом, полностью игнорируя яростные взгляды старших учеников, готовых испепелить его на месте. Поравнявшись с Чжун Чжили, он попытался заговорить, но тот демонстративно сделал шаг в сторону, увеличивая дистанцию.

— Да ладно тебе, хватит ломать комедию!

Ло Цзенину было плевать на то, что от него несёт сыростью и утиной кровью. Он бесцеремонно ухватил друга за широкий рукав.

— Ты что, решил сделать вид, будто мы незнакомы? Или жалеешь о своих словах?

Однако Чжун Чжили лишь мазнул по нему холодным взглядом из-под ресниц и, едва шевельнув губами, равнодушно бросил:

— Разве мы знакомы?

<http://bllate.org/book/18255/1751612>